

Прежний хозяин тела женился на девушке из соседней деревни и всю жизнь был крестьянином. Гу Чжижун вышла замуж за парня из своей деревни и тоже всю жизнь занималась сельским хозяйством.

Гу Чжимэй, живя в достатке, была очень почтительна к Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй, не только давала деньги, но и отправляла им еду и вещи.

Гу Цзиньянь и Гу Чжижун работали в поле, не имея других источников дохода, и им нужно было кормить своих детей. По сравнению с тем, что давала Гу Чжимэй, их вклад в заботу о родителях был незначительным.

Когда говорили о Гу Чжимэй, все хвалили её, говоря, что она благодарная, и что Гу Дахэ с женой получили заслуженное вознаграждение за добрые дела, теперь будут жить в достатке. А о Гу Цзиньяне и Гу Чжижун качали головой, говорили, что, несмотря на то что воспитаны теми же родителями, разница огромна, видимо, они просто глупы и неспособны научиться.

Люди говорили так много, что Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй тоже начали так думать. Часто смотрели на своих детей с болью, мол, как же вы так жить умудрились.

После смерти Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй Гу Чжимэй оборвала все связи с Гу Цзиньянем и Гу Чжижун. С её точки зрения, дядя и тётя вырастили и воспитали её, и она должна была отплатить им. Но она не чувствовала, что должна что-либо Гу Цзиньяню и Гу Чжижун.

Задача Гу Цзиньяня в этом мире сильно отличалась от предыдущих. Теперь он должен был сам добиться успеха и показать всем, что это не заслуга Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй.

Хотя до восстановления вступительных экзаменов в университеты оставалось три года, он уже много лет не учился, и даже если бы экзамены первого года были простыми, он бы не справился.

Ему был уже 21 год, и даже если бы он смог пойти в армию, это был бы нелёгкий путь.

Подумав, он решил, что торговля — наиболее подходящий для него путь. При этой мысли он чуть не сходил с ума. В романах писали, что можно пойти в горы, поймать диких кур или кроликов, найти женшень или грибы и продать их на чёрном рынке, но это было совершенно нереально. Из воспоминаний прежнего хозяина тела он знал, что таких вещей в горах уже давно нет.

Гу Цзиньянь вдруг почувствовал себя очень жалким. В мире «Истинных и ложных наследниц», связанном с киноиндустрией, он читал много сетевых романов. Главные герои в романах о перемещении между мирами либо имели систему, либо пространство, либо целебный источник, и, оказавшись в это время, могли использовать их для улучшения жизни, накопления капитала или спасения людей, чтобы получить помощь влиятельных лиц — все они имели свои «читы».

У него ничего не было, и эти сюжетные задачи казались появившимися из ниоткуда, без следа. Единственное, что его утешало, — это то, что он унаследовал навыки прежнего хозяина тела.

На следующий день, услышав звуки снаружи, Гу Цзиньянь проснулся. Тело, привыкшее к тяжёлой работе, после ночного отдыха уже восстановилось.

Он встал и вышел из комнаты. Как раз в этот момент увидел, как Хуан Сюцзюй выходит из своей комнаты с яйцом в руке.

— Мама, свари ещё несколько яиц, все устали от весенней пахоты, нужно хорошо питаться, — сказал Гу Цзиньянь.

Хуан Сюцзюй ответила:

— В доме осталось мало яиц, нужно экономить, чтобы продать и получить немного денег для семьи.

— Если плохо питаться, не будет сил работать. Я хочу яйцо, — настаивал Гу Цзиньянь.

Оставить яйцо для Гу Чжимэй, чтобы она ела его каждый день? Гу Цзиньянь не собирался потакать этому.

Хуан Сюцзюй повторила, что в доме мало яиц, и нужно экономить.

Гу Цзиньянь, глядя на яйцо в руках Хуан Сюцзюй, придумал план.

Завтрак в этот день был таким же, как и накануне: каша из батата, миска солёных овощей и одно варёное яйцо.

Гу Цзиньянь сел за стол, взял яйцо и начал его чистить.

Хуан Сюцзюй и Гу Чжижун были шокированы его действиями.

— Это для Амэй, чтобы она поправлялась. Почему ты его ешь? — громко спросила Хуан Сюцзюй.

Гу Цзиньянь не остановился:

— Мне сейчас очень нужно поправиться.

Он разделил яйцо пополам, протянул одну половину Гу Чжижун:

— Сестрёнка, ты готовила завтрак, съешь яйцо.

Увидев, что Гу Чжижун замерла, он просто сунул ей яйцо в рот. Вторую половину быстро съел сам.

Гу Цзиньянь хотел яйцо не из-за жадности, он просто не желал мириться с тем, что Хуан Сюцзюй продолжает выделять Гу Чжимэй. Гу Чжимэй считала, что она ничего не должна своим брату и сестре?

Хуан Сюцзюй смотрела на него с выражением «как ты можешь быть таким непонимающим».

Гу Цзиньянь сделал вид, что не заметил этого, и продолжил есть свой завтрак.

Когда он вернулся домой на обед, Хуан Сюцзюй рассказала Гу Дахэ о том, что Гу Цзиньянь съел яйцо, предназначенное для Гу Чжимэй.

Гу Дахэ тоже смотрел на него с выражением «как ты можешь быть таким непонимающим».

— На этот раз съел, так съел, но в следующий раз не делай так. Ты же знаешь, твоя старшая сестра слабая, учёба тяжёлая, ей нужно хорошо питаться, — сказал Гу Дахэ.

Ха! У этих родителей в голове не яма, а целая река, да ещё и большая!

— Вы помните, как выглядит Гу Чжимэй? — спросил Гу Цзиньянь. Гу Чжимэй обедала в школе и не возвращалась домой.

Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй кивнули, не понимая, зачем он задаёт такой странный вопрос.

— Тогда посмотрите на меня и на сестру, — сказал Гу Цзиньянь, указывая на себя и на молча стоящую рядом Гу Чжижун.

Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй посмотрели друг на друга, не видя проблемы.

Глядя на их растерянные лица, Гу Цзиньянь рассмеялся.

— Гу Чжимэй белая и румяная, с здоровым цветом лица. А мы с сестрой худые, чёрные, с желтоватыми лицами, явно страдаем от недоедания. Кому больше нужно поправляться? Вы думаете, что наша работа в поле легче, чем учёба Гу Чжимэй? Она была слабой десять лет назад, а сейчас мы с сестрой из-за постоянного недоедания и тяжёлой работы уже на грани истощения.

Услышав это, Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй на мгновение замерли. Дети в деревне обычно выглядели так, и они не видели в этом ничего плохого. Но после слов Гу Цзиньяня они почувствовали боль.

— Прости, это я не смог обеспечить вам хорошую жизнь, — с виной сказал Гу Дахэ своим детям, а затем, помедлив, добавил:

— Впредь варите им по яйцу.

Хуан Сюцзюй быстро кивнула — это же её плоть и кровь, как она могла не жалеть их.

Гу Чжижун замахала руками, на лице появилось замешательство.

Гу Цзиньянь ничего не ответил.

Через несколько дней запасы яиц в доме закончились. В доме было только две курицы-несушки, и Хуан Сюцзюй решила, что Гу Цзиньянь и Гу Чжижун будут получать по половинке яйца, а Гу Чжимэй — целое.

Гу Цзиньянь не обращал внимания на мысли Хуан Сюцзюй, съел целое яйцо сам и заставил съесть целое Гу Чжижун.

Только на следующий день, когда Хуан Сюцзюй принесла только одно яйцо, Гу Цзиньянь остановился.

Наконец, изнурительная весенняя пахота закончилась, и Гу Цзиньянь почувствовал, что снова ожил. Хотя тело прежнего хозяина привыкло к такой работе, его сознание не могло смириться с этим, и он каждый день чувствовал себя так, будто умирает.

После весенней пахоты погода начала постепенно становиться теплее. После ужина вся семья отдыхала во дворе.

Гу Дахэ сидел в стороне и курил трубку.

Гу Цзиньянь, следуя характеру прежнего хозяина, опустил голову и отвлёкся, а Гу Чжижун, как настоящая сестра, синхронно повторила его выражение лица.

— Становится жарко, и у нас как раз есть талоны на ткань, чтобы сшить тебе новый наряд. Для верха выберем полиэстер.

— Тётя, ты самая лучшая!

Хуан Сюцзюй и Гу Чжимэй сидели рядом, разговаривая и проявляя нежность друг к другу.

Услышав их разговор, Гу Цзиньянь поднял глаза и посмотрел на Гу Чжимэй. Она была в светло-жёлтой блузке в цветочек и чёрных брюках, которые были уже старыми.

Гу Цзиньянь посмотрел на Гу Чжижун, Гу Дахэ, Хуан Сюцзюй и на себя. На всех их одежде были заплатки.

Неужели это называется «у нас в семье все носят одежду с заплатками, но мы не скажем об этом Гу Чжимэй»?

— Мама, у меня и у сестры одежда вся в заплатках, может, нам стоит сшить что-то новое? — спокойно спросил Гу Цзиньянь.

Хуан Сюцзюй тут же ответила:

— Тогда Амэй отдаст Ажун прошлогоднюю одежду. Сейчас талонов хватит только на один наряд, сначала сошьём Амэй, а когда появятся талоны, сошьём тебе.

Гу Цзиньянь усмехнулся в душе. Гу Чжижун, хотя и была ровесницей Гу Чжимэй, должна была носить её старую одежду. Гу Чжимэй каждый год шила новую одежду, а Гу Чжижун каждый год носила старую — разница была огромной.

— Мама, сестра уже больше десяти лет не шила новую одежду, давайте на этот раз сошьём ей, — подчеркнул Гу Цзиньянь слово «десять».

— Одежда есть, и ладно, вы уже не дети, чтобы требовать новую одежду, — сказала Хуан Сюцзюй.

У Гу Чжижун в детстве тоже не было новой одежды. Гу Цзиньянь мысленно добавил это, а вслух сказал:

— Мама, отдайте мою долю талонов, остальное — как хотите.

— Что твоё, что наше? Мы же одна семья, — нахмурилась Хуан Сюцзюй.

— Талончики распределяются по количеству людей. Мои талоны мне нужны для своих целей, — сказал Гу Цзиньянь.